

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ НЕМЕЦКОГО КОНЦЕПТА „ФАУСТ“ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

© 2004 С.В. Семочко

Воронежский государственный университет

В последние годы в современной транслятологии большое количество работ посвящается изучению межкультурной адаптации* инокультурных реалий*, которые представляют особые сложности для переводчиков [3; 4; 7; 18; 19]. К таким “трудным” для перевода на другой язык реалиям можно отнести, например, произведения с ярким национальным колоритом: сказки, легенды, а также произведения с сюжетообразующим ядром-прецедентным текстом (ПТ)*. Это детерминировано тем, считает Л.И. Гришаева, что “языковые картины мира (ЯКМ), имеющие функцию вербализации картины мира (КМ), различаются между собой механизмами и средствами вербализации внеязыковой действительности” [3, 34], что обуславливает изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях при переводе, а также зачастую трансформацию фреймовой презентации информации [13; 14; 15;

16]. В результате достигается разное прагматическое воздействие на адресата текста оригинала и текста перевода.

Подтвердить сформулированные положения позволяет проведённый анализ процесса межкультурной адаптации к русской культуре немецкого культурно-специфического концепта “Фауст”, который объективируется ПТом “Фауст” [13; 14; 15; 16].

Изучение межкультурной адаптации концепта “Фауст” в русском художественном дискурсе проводилось на основе сравнения оригиналов произведений, в которых сюжетообразующим ядром является ПТ “Фауст”, и их переводов на русский язык. Для достижения поставленной цели в ходе текстограмматического анализа были вычленены и сопоставлены номинативные, коннотативные и глагольные цепочки, относящиеся к Фаусту, Мефистофелю и Гретхен в оригинале произведения И.В. Гёте „Faust“ [20] и в его переводе Б. Пастернаком [2], а также в немецком варианте романа Т. Манна „Doktor Faustus“ [24] и его переводе Н. Манн и С. Аптом [10].

Сопоставление немецкого варианта произведения И.В. Гёте “Фауст” и его перевода в исполнении Б. Пастернаком установило, что в результате изменений адресантом номинативных и дискурсивных стратегий русский адресат может воспринимать главных героев, да и сами их действия несколько иначе, нежели немецкий адресат. Данное обстоятельство обусловлено тем, что при адаптации к русской культуре константы немецкой культуры ПТа “Фауст” переводчик порой по-другому расставляет содержательные коммуникативные акценты, что вызывает переструктурирование информации в макротексте и способствует, тем самым, активизации у адресата разных сведений при чтении оригинала и перевода. Данное наблюдение подкрепляет ряд примеров, в которых содержатся номинации и характеристики главного героя произведения И.В. Гёте “Фауст” Фауста:

*1 Сущность феномена межкультурной адаптации, по мнению М. Lederer и D. Seleskovitch, заключается в адаптации результатов речемыслительной деятельности человека к иным социокультурным и коммуникативным условиям [23; 25], поскольку текст как фрагмент концептуальной и языковой картин мира практически всегда культурно маркирован [5; 12; 13; 18].

*2 Под реалиями, вслед за А.А. Кретовым и Н.А. Фененко, следует понимать не только явления внеязыковой действительности (особенности быта, жизни, государственного уклада страны, её нравы и поверья), но и их культурные эквиваленты, т.е. концепты и средства/механизмы вербализации этого концепта [8; 9; 19].

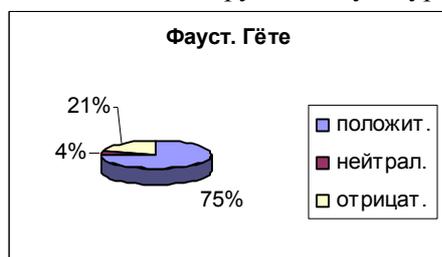
*3 Под прецедентными (ПТ) понимаются, по Ю.Н. Караулову, такие тексты, к которым постоянно обращаются представители данного лингвокультурного сообщества и которые знакомы и понятны различным поколениям [6]. Таким образом, ПТы, будучи, по выражению Л. И. Гришаевой, комплексным „прототипом умственной переработки внеязыковой действительности“ [5, 19], характерным для определённой лингвокультуры, являются, очевидно, своеобразными маркерами, по которым можно определить принадлежность к той или иной культуре. Следовательно, ПТы можно рассматривать не просто как результат речемыслительной деятельности одного субъекта, а как преломление общественного в деятельности индивидуального субъекта [5; 12; 16].

Nicht irdisch ist des Toren Trank noch Speise...[20, 74].

Befriedigt nie die tiefste Brust...
[20, 74].

Немецкая лексема *Tor*, имеющая негативную семантику (*глупец, дурак*). (Здесь и далее лексическая семантика анализируемых единиц приводится по [11; 20], а грамматическая семантика трактуется по [2; 21]), передаётся в переводном тексте личным местоимением 3-го лица *он* с грамматической семантикой “некоммуникант, один” в сочетании с стилистически нейтральным прилагательным в краткой форме *сыт*.

В другой строке немецкая единица *Brust* (грудь) переводится лексемой *душа*, относящейся к константам русской культуры и зачастую

Результатом изменения номинативных и дискурсивных стратегий становится также и изменение точки зрения на номинируемую ситуацию, что часто достигается заменой пассивных конструкций на активные. При этом в переводном тексте глагольные предложения трансформируются в субстантивные, что обуславливает *Erbärmlich auf der Erde lange verirrt und nun gefangen. Als Misstäterin im Kerker zu entsetzlichen Qualen eingesperrt das holde unselige Geschöpf!*...

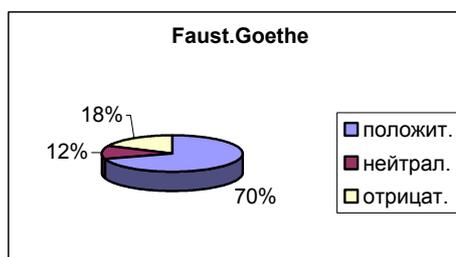
[20, 195]

В немецком варианте сделан акцент на результат действия, которым подвергалась героиня и в которых она является реципиентом действия (грамматически это статив): *арестована, заперта (gefangen, eingesperrt)*. В русском варианте переводчик использует вместо упомянутой грамматической конструкции субстантивные структуры (*в тюрьме, под замком*), а глагол *нищенствовала* в активном залоге (прошедшее время, несовершенный вид с семантикой “незавершённость, процессуальность”) употребляется в качестве эквивалента немецкому Partizip II *verirrt* с семантикой “завершённость, результативность, пассивность”. В результате Гретхен в переводном тексте предстаёт активным действующим лицом, поскольку грамматическая семантика переносит акцент с действия на субъект. Кроме того, в оригинале девушка предстаёт *в качестве преступницы*, а в переводном тексте

И чем он сыт, никто не знает тоже...
[2, 136].

И век ему с душой не будет сладу...
[2, 136].

положительно коннотированной. Анализ средств, именуемых и характеризующих Фауста в тексте перевода произведения И.В. Гёте, выявил большее количество положительных номинаций и характеристик героя средствами русского языка, чем в оригинале: 75% от общего числа; 4% - нейтральных и 21% - отрицательных. См. диаграмму ниже “Фауст. Гёте” и ср. её с диаграммой „Faust. Goethe“, согласно которой только 70% номинаций и характеристик Фауста в оригинале произведения И.В. Гёте имеют положительное значение.

смещение акцента с процесса/действия на его носителя, с сообщения о признаках объекта на классифицирование объекта. Например, очень показательным является сопоставление отрывка оригинала И.В. Гёте, в котором Фауст возмущается по поводу ареста Гретхен и её бедственным положением:

Долго нищенствовала – и теперь в тюрьме. Под замком, как преступница, осуждённая на муки, – она, несравненная, непорочная...

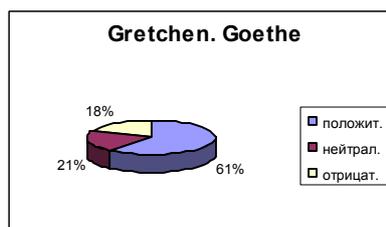
[2, 314]

Гретхен лишь сравнивается с преступницей (*как преступница*), что создаёт у читателя русского перевода впечатление, что якобы наказание девушки не заслужено. Созданию подобного восприятия образа Гретхен способствует также постановка в постпозицию характеристик девушки *несравненная, непорочная* вслед за личным местоимением *она*. Следовательно, внимание адресата обращается именно на *чистоту* девушки, а не на бедственность её положения и на жалость Фауста к бывшей возлюбленной, который в оригинале именуется Гретхен *милым, злосчастным созданием (das holde unselige Geschöpf)* и употребляет атрибуты перед определяемым существительным. Значит, адресаты оригинала и русского варианта произведения Гёте представляют себе героиню несколько иначе. Количественное сравнение общего числа номинаций и характеристик девушки выявляет, что в тексте

перевода героиня получает значительно больше положительных именований и характеристик (86%), чем в оригинале произведения И.В. Гёте

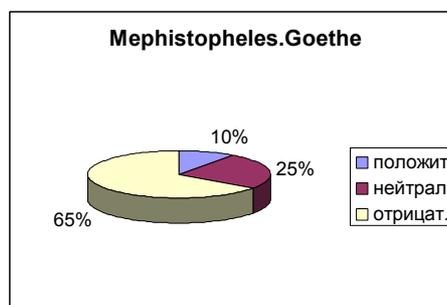
(всего 61%). См. диаграмму “Гретхен. Гёте” и ср. её с диаграммой „Gretchen. Goethe“:

Изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях наблюдаются и при сопоставлении номинаций и характеристик Мефистофеля в оригинале и тексте перевода произведения И.В. Гёте. Так, в русской интерпретации дьявол получает большее количество положительных номинаций и характеристик (27% от общего чис-

ла) по сравнению с немецким вариантом. См. диаграмму “Мефистофель. Гёте” и ср. её с диаграммой „Mephistopheles. Goethe“, по данным которой Мефистофель в оригинале имеет всего 10% положительных именований и характеристик от их общего числа:

По всей видимости, во многом это обусловлено тем, что Мефистофель в тексте перевода неоднократно говорит о своей *душе*, а не о *теле*, как в оригинале, что, безусловно, у русского адресата активизирует несколько иные сведения *Mir ist es winterlich im Leibe...*

[Goethe 1973, 179].

Возможно, кто-то упрекнёт автора настоящей статьи в том, что сравнения оригинала и всего лишь одного варианта перевода не могут быть достоверным свидетельством в пользу того, что в других интерпретациях этого же произведения будут наблюдаться сопоставимые изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях в выбранных для анализа отрывках. На такое замечание хотелось бы возразить, что в обсуждаемом контексте нас не интересует, насколько адекватен и близок к оригиналу тот или иной вариант перевода. Для нашего исследования важно показать, что при межкультурной адаптации макротекста с сюжетобразующим ядром-прецедентным текстом **всегда** будут иметь место модификации номинативных и дискурсивных стратегий, которые можно наблюдать в разных микротекстах цельного текста перевода. Это обусловлено тем, что межкультурная адаптация инокультурных реалий проис-

(чёрту не чужда человечность, раз он упоминает о **своей душе?**)Ю поскольку *душа* относится к константам русской культуры и вызывает позитивные ассоциации у адресата переводного текста [17]:

Нет, у меня в душе стоят морозы...

[Гёте 1991, 290].

ходит в опоре на ресурсы родного для переводчика языка и в опоре на духовные ценности родной для него культуры, т.е. на культурные константы. Для русского языка таковыми являются, например, “Трех”, “Душа”, “Человек” [17]. Безусловно, названные константы свойственны и другим культурам, однако, как представляется, для разных лингвокультур они имеют нетождественную значимость.

Сделанный вывод подтверждают также и результаты сопоставления номинаций и характеристик новоявленного Фауста по роману Т. Манна “Doktor Faustus” [24] и его переводу на русский язык Н. Ман и С. Аптом [10], которые, как и Б. Пастернак, адаптируя анализируемое произведение с сюжетобразующим ядром-прецедентным текстом “Фауст”, апеллируют (сознательно или бессознательно) к константам русской культуры. При этом особенно часто задействуется в тексте перевода константа рус-

ской культуры “Душа” [17], которую переводчики романа Т. Манна используют для передачи смысла единиц, содержащих оценочную сему в своей семантической структуре и сочетающихся к тому же с оценочной лексикой. Например, для перевода немецкого субстантивированного прилагательного *das Einsam-Männlichere und Stolze*, имеющего значение *нечто одиноко-человеческое* и *гордое* (в оригинале в очередной раз подчёркивается отчуждённость Леверкюна от всех людей, его гордыня). При этом названные признаки предстают как субстанция (грамматически они представляют субстантивиро-

Adrian mochte im Werke wohl das Wort ins Einsam-Männlichere und Stolze ... seines Faustus wenden... [24, 665].

Несколько иное впечатление русских читателей от образа Леверкюна, думается, обусловлено также более частым использованием в тексте перевода константы русской культуры “Грех” и производного от него способом суффиксации антропонима грешник [17]. Например, в заключительном монологе Леверкюн называет себя лишь убийцей, повествуя о своих страхах... *das ich vor euch sitze auch noch als ein Mörder...* [24, 680].

В русском варианте романа чаще, чем в оригинале, появляется и ещё одна константа русской культуры – “Человек” [17], особенно при переводе немецких субстантивированных прилагательных и причастий. Например, в финале Адриан называет себя *Gottverlassen und Verzweifelt* (*Богом оставленным и отчаявшимся*), используя для этого субстантивированные страдательные причастия и выделяя свои наиболее существенные на данный момент признаки, которые идентифицируются с самим Леверкюном. В тексте перевода, однако, данное соответствие передаётся конструкцией с существительным: *Богом оставленным, отчаявшимся человеком*, поэтому у русских читателей складывается впечатление того, что Адриан всё же идентифицирует себя с представителями человеческого рода, в отличие от Леверкюна оригинала, в котором главный герой, особенно в финале романа Т. Манна, ещё больше подчёркивает свою необычность и отчуждённость от всех, в

ванные прилагательные) и начинают отождествляться с самим определяемым субъектом (Адрианом, новоявленным Фаустом). В тексте перевода же акцент переносится на *гордое слово*, идущее из *одинокой* и *мужественной души* Адриана, как будто Леверкюн пропустил всё через себя, прочувствовал это. Таким образом, у читателя русского варианта не создаётся впечатления того, что главный герой является бесчувственным субъектом, основой для творчества которого является именно бездуховность и сознательный отказ от всего человеческого:

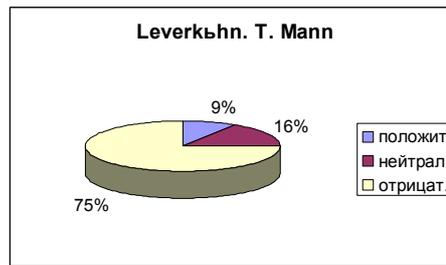
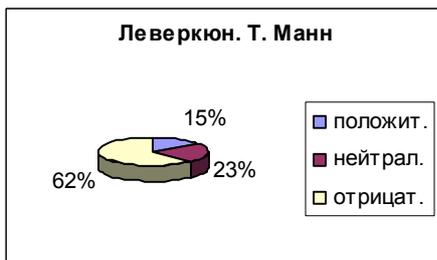
Пусть Адриан этот возглас...преобразил в гордое слово одинокой мужественной души, вложив в уста своего Фауста слова... [10, 519].

ных делах и поступках на протяжении действия договора с дьяволом. В переводном варианте Адриан идентифицирует себя ещё и как грешника, активизируя тем самым у адресата сведения о своём раскаянии: ведь человек называет себя так, только если он осознаёт свои ошибки и сожалеет о случившемся:

...перед вами сидит не грешник токмо, но и убийца... [10, 539].

том числе путём активного использования рассказчиком, другими персонажами и самим Адрианом субстантивированных прилагательных и причастий при именовании человека.

В результате апелляции при переводе к константам национальной русской культуры, а также некоторых семантических и грамматических трансформаций, которые претерпевают анализируемые единицы при межкультурной адаптации оригинала, формируется несколько иное воздействие образа главного героя на адресата русского варианта романа Т. Манна. Очевидно, поэтому Адриан получает в переводном тексте меньшее количество отрицательных номинаций и характеристик (62% от общего числа) по сравнению с оригиналом. См. диаграмму “Леверкюн. Т. Манн” и сопоставь её с диаграммой “Leverkühn. T. Mann“, согласно данным которой главный герой романа имеет 75% негативных номинаций и характеристик от общего числа.

Сравним, к примеру, очередное высказывание автора об Адриане в оригинале романа и в переводном тексте:

Wenn der von dir etwas will... [24, 396].

Если такой человек хочет чего-то от тебя... [10, 309].

Более сочувственное восприятие фигуры Левекюна в русском варианте детерминировано также, как представляется, широкой известностью, как в русской, так и в мировой культуре интерпретации ПТа “Фауст” И.В. Гёте, в которой главный герой интерпретируется как положительный персонаж (см. примеры выше). По всей видимости, ещё и по названной причине переводчики* романа Т. Манна, которым, без сомнения, хорошо знаком всемирно известный “Фауст” И.В. Гёте, скорее всего, во многом бессознательно наделяют в русском варианте главного героя большим количеством положительных номинаций и характеристик, чем в тексте оригинала.

Таким образом, различия в номинативных стратегиях в процессе межкультурной адаптации немецкой культурной константы концепта “Фауст” к русской культуре показывают, что носители валентности *Faust*, *Mephistopheles* и *Gretchen* не всегда обнаруживают ту же семантическую избирательность, что и в немецком языке*, поскольку при вербализации действительности в различных культурах задействуются разные механизмы. Это сказывается и на выборе грамматических, лексических и иных средств осуществления авторского замысла, а также в конечном итоге обуславливает разное впечатле-

ние от прочитанного у читателей оригинала и перевода.

Проведённое исследование межкультурной адаптации культурно-специфического концепта “Фауст” в пределах русской культуры показало также, что в процессе межкультурной адаптации изучаемого концепта в русском художественном дискурсе наблюдается неизбежное переструктурирование сведений, хранимых в когнитивной структуре концепта “Фауст”. В результате в русской лингвокультуре складывается несколько иное, чем в культуре-доноре, представление о немецком национально-специфическом концепте “Фауст”, что обусловлено, прежде всего, доминированием в мировой культуре гётевской интерпретации ПТа “Фауст”. В немецкой же лингвокультуре, наряду с гётевской трактовкой ПТа “Фауст”, бытуют многие другие известные носителям немецкого языка интерпретации обсуждаемого культурного прецедента как следствие его внутрикультурной адаптации в пределах данной культуры. Кроме того, в русском сознании отсутствует понимание того, что Фауст – личность особого типа, которая руководствуется в своей жизни особыми целями и мотивами (что и является ядерной и константной частью концепта “Фауст”) [16]. Поэтому, в отличие от немецкой лингвокультуры, для представителей русской культуры более важны сведения о морально-этических качествах конкретного литературного персонажа в той или иной интерпретации ПТа “Фауст”, репрезентирующего в языке соответствующий концепт. Это отражается на структуре номинативных, коннотативных и глагольных цепочек, вычленяемых в макротексте на основе идентичности того или иного референта, а также в конечном итоге на тематической прогрессии в микро- и макротексте, что не может не сказаться на прагматическом воздействии всего текста перевода на адресата. Данный факт свидетельствует, прежде

*4 Может показаться, что высказанное замечание носит гипотетический и несколько субъективный характер. Но проведённое комплексное исследование константы немецкой культуры концепта “Фауст”, объективируемого ПТом “Фауст”, а также солидная эмпирическая база и большое количество проработанной специальной литературы, посвящённой особенностям бытования сюжета о Фаусте в пределах немецкой лингвокультуры, позволяют нам высказать данную версию. (См. подробнее: [16]).

*5 См. об этом подробнее в автореферате Семочко С.В. “Концепт ”Фауст” как константа немецкой культуры” [16].

всего, о значимых различиях в концептуализации и категоризации действительности представителями двух культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 2-е изд-е. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Гёте Й.-В. Фауст.— М.: Изд-во “Худ. Литература”, 1991. – 247 с.
3. Гришаева Л. И. Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность. // Социокультурные проблемы перевода. – Вып. 4. – Воронеж, 2001. – С. 32-44.
4. Гришаева Л.И. Переводной текст как источник сведений о языковой личности / Л.И. Гришаева // Учебные записки: сб. науч. тр. – Курск, 2002. – С. 171-178.
5. Гришаева Л.И. Прецедентный текст как модель осмысления действительности / Л.И. Гришаева // Содержание единиц языка и текста: сб. науч. статей. – СПб., 2003. – С. 148 – 156.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов.— М.: Наука, 1987.— 263 С.
7. Кретов А.А. Теория перевода в контексте гуманитарных наук / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Проблемы культурной адаптации текста. – Воронеж, 1999. – С. 49-53.
8. Кретов А.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков (к проблеме языкового освоения “чужой” действительности) / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж, 1999. – Вып. 3. – С. 82-94.
9. Кретов А.А. Компенсация как категория переводоведения / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 70 – 74.
10. Манн Т. Доктор Фаустус: жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом. Роман: Пер. с нем. С. Апта и Наталии Манн / Т. Манн.- Т.: Узбекистан, 1986. – 506 с.
11. НРС – Немецко-русский словарь. – М.: “Русский язык”, 1992. – 1040 с.
12. Семочко С.В. Сюжет о докторе Фаусте как немецкий прецедентный текст / Вестник Воронежского гос. ун-та. Труды молодых учёных. – Воронеж, 2001. – Вып. 1 – С. 448 – 458.
13. Семочко С.В. О способах культурной адаптации концепта “Фаустианство / Фауст” // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – С. 176 - 188.
14. Семочко С.В. Маркеры внутри- и межкультурной адаптации в когнитивном ракурсе / С.В. Семочко // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Воронеж, 2004. – Ч. 2. – С. 198-210.
15. Семочко С.В. О маркерах межкультурной адаптации / С.В. Семочко // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Воронеж, 2004. – Вып. 6. – С. 199 – 208.
16. Семочко С.В. Концепт “Фауст” как константа немецкой культуры: Автореферат диссер. ... канд. филол. наук / Семочко Светлана Валерьевна. – Воронеж, 2004. – 20 с.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
18. Цветкова М. В. Межкультурная рецепция и перевод как один из её аспектов (Постановка вопроса) // Эссе о социальной власти языка / Под общ. Ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж, 2001. – С. 134 – 143.
19. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н.А. Фененко. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. – 140с.
20. Goethe J. W. Faust. – Berlin – Weimar: Aufbau – Verlag, 1973. – 780 S.
21. DBW – Duden. Das Bedeutungswörterbuch / Hrsg. von G Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1970. – 816 S.
22. Duden-95. – Duden. Die Grammatik / Hrsg. Von G. Drosdowski. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F. F. Brockhaus, 1995. – 864 S.
23. Lederer M. La traduction d’aujourd’hui: Le modele interpretative / M. Lederer. – Paris: Hachette. – 1994. – 224 p.
24. Mann T. Doktor Faustus: Das Leben des deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn, erzählt von einem Freunde / Th. Mann. – Berlin - Weimar: Aufbau-Verlag, 1975. – 719 S.
25. Seleskovitch D. Interpreter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer. – Paris: Didier Erudition, 1984. – 316 p.